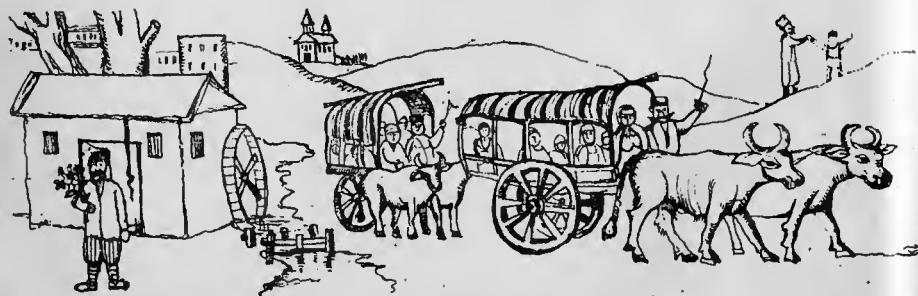

ДЕЙСТВУЮТ

ПРАЗДНИК ОДИНОЧЕСТВА (ПИРОСМАНИ)

Монологи

Пирожмани.

Ия.

Русский художник.

Персонажи картин Пирожмани:

Григол — зажиточный крестьянин.

Актриса Маргарита.

Рыбак в красной рубахе.

Первый князь.

Второй князь } с картины «Пир трех князей».

Третий князь

Дворник.

Виноградарь с фрески «Сбор винограда».

Грузинка с бубном.

Массовки:

Вернисаж, С.-Петербург, 1912 год.

Персонажи фрески «Сбор винограда».

Предполагается, что все, что происходит в пьесе, происходит в чулане под лестницей, где умирал в одиночестве Нико Пирожманиашвили, великий художник.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Теснота делает вещи необычайно большими. Поэтому сценическое обозначение тесного чулана под лестницей мне представляется таким:

гигантские дощатые стены, чуть пависнув над сценической площадкой, уходят в глубину, растворяются в ней. Обнаженное старое дерево.

Во многих местах и на разных уровнях стены потемнели до черноты. В этих черных пятнах время от времени возникают картины Пирсмани. Персонажи этих картин — действующие лица пьесы.

Никакой мебели. На дощатый пол брошен чемоданчик с красками.

Появляется актер.

Актер. Это — спектакль человеческой жизни, которая, в конце концов, должна стать спектаклем: слишком много глаз к ней потянулось, потребовало ее, эту жизнь, себе.

Пирсмани!

Он к нам пришел много лет спустя.

Спустя безвестность.

Спустя пищету.

Спустя голод.

Спустя...

Спустя...

Спустя...

Все происходит спустя:

призапись,
слава.

Воспоминания современников.

Которые становятся современниками спустя.

Спустя подзатыльники,
которые они раздавали пищему мальчишке.

Спустя рог вина,

который они подавали пищему живописцу.

Спустя тощий матрац,
который они кидали в сад,
даря почевку бездомному.

И великий пищий человек
снова начинает жить
спустя свою жизнь.

Спустя...

Спустя...

Спустя...

Грязные, с оторванными подметками сапоги
лакирует посмертная слава.

И сапоги становятся просто лаковыми,
без оторванных подметок.

Нет, подметки, конечно, есть.

Но они аккуратно пришиты
к лаковым сапогам.

И подметки тоже лаковые.

Без соринки.

Словно они шествовали
на два-три аршина выше дорожной пыли,
луж
и острых камней.

Пирсмани!

Это — время вздохнуло его именем:

Пирсмани!..

Время не задыхается.

Задыхаемся мы.

От счастья быть современниками.

Последователями.
Исследователями.
Взирающими.
Молящимися.
Спустя нищету. Спустя голод. Спустя жизнь.
Спустя...
Спустя...
Спустя...

(Опускается на пол. Сидит, откинувшись назад и опершись на руки. Присматривается к себе, прислушивается к тому чуду, которое в нем возникает: он — Пироцмани.)

Высвечивается картина «Грузинка с бубном». Помедлив, чтобы дать зрителям возможность привыкнуть к необычности своего появления, грузинка поднимает бубен над головой.

Грузинка (позвенев бубном). «Пироцмани, Пироцмани, Пироцмани... Монологи».

Картина гаснет.

Пироцмани. Тишина!

Это —
когда четыре стены
и нет двери,
чтобы кто-нибудь еще вошел.
И можно сбросить на пол
спину.
Потому, что устала.
Духанщикам устала
кланяться,
дворникам устала
кланяться.
Только красоте не устала
кланяться.
Но, все равно —
пусть полежит...

Тишина!
Это —
когда четыре стены
и нет двери,
чтобы кто-нибудь еще вошел.
И можно раскидать по углам
руки.

Потому, что устали.
В кармане устали шарить,
чтобы найти
завалившийся пятак.
В темноте устали шарить,
чтобы найти
свободную скамейку.
Только краски мешать
не устали.

Но, все равно —
пусть полежат...

Тишина!

Это —
когда четыре стены
и нет двери,
чтобы кто-нибудь еще вошел.
И можно голову
лбом
поколотить об все четыре стены,
чтобы подумала:
ты кто такой,
Нико Пироцмапашвили
из Мирандии?..

Высвечивается портрет зажиточного крестьянина. Это — Григорий, владелец богатого сада в Сагареджо. Он стоит в полный рост, в черкеске, с кинжалом, заткнутым за пояс. Строго глядит на Пироцмани. Сад раскинулся за его спиной.

Григорий. Ты кто такой, Нико Пироцмапашвили из Мирандии?

Пиромани (*улыбнулся*).

Я?.. Виноград!

Я родился там,
где сошлись пути земли и солнца.

В Кахетии, значит.

И Солнце, отец мой,
как золотой бычок,
кидает мне охапки лучей
из своего стойла.

И Земля, мать моя,
вспаивает меня
самым вкусным своим соком...

Я — виноград!

Григол. А человеком так и не стал?

Пиромани (*покачав головой*). Нет, человеком не стал.

Григол. Пятьдесят шесть стукнуло! Мог бы стать и человеком.

Пиромани. Нет, человеком не стал. Заходи, Григол, владелец
сада. Хорошие сады в Сагареджо!

Григол. Узнал все-таки.

Пиромани. Почему не узнат? Заходи, гостем будешь.

Григол. Ты бы посадил меня, что ли. А то стою, как дерево возле дерева. Сколько лет уже стою! Ноги совсем затекли. Не мог нарисовать, что сижу, а?

Пиромани (*махнув рукой*). Садись.

Григол (*не выходя из картины, опускается на землю*). Узнал
все-таки.

Пиромани. Почему не узнат?

Григол (*не без ехидства*). Другие не узнают. Непохожим нарисовал! Всё непохожим нарисовал! Хотел тебе корзину яблок привести. Но разве ты яблоки нарисовал? Одни румяные половинки нарисовал! Где видел яблоки с одной половинкой? Что, другую черви съели, а? Зачем хулиганишь в моем саду? Зачем ягоду черешни рисуешь величиной с дом? Где видел такую черешню?

Пиромани. Я не видел... Я хочу в такой черешни жить. Потому и рисую величиной с дом. Я выгоню из нее косточку и

сам поселюсь в ней. И все кругом станет розовым. И небо, и земля, и даже ты. Зеленые деревья станут розовыми. И это будет правдой, я ведь живу в черешне, я вижу, что все кругом розовое...

Григол. Дурак ты! Твою черешню вываливают в грязи, и на нее кто-нибудь наступит.

Пиромани. На нее уже наступил. Ты. Ах, как жалко, что ты наступил на черешню, в которой я поселился! Не мог выбрать другую, а?

Григол (*растерявшись*). Прости... Я не хотел... Я случайно... Просто шел павестить тебя...

Пиромани. Люди всегда наступают на черешню случайно. А в ней можно раздавить человека.

Григол (*вспылив*). Замолчи! Уши вянут. Пятьдесят шесть стукнуло, нельзя в черешни жить. Пора дом иметь!

Пиромани. А у меня есть. Разве не видишь?

Григол. Какой дом, какой дом? Под лестницей помираешь. Может быть, ты жадный, большое богатство спрятал?

Пиромани. Зачем мне деньги? Я и так богат.

Григол. Чем же ты владеешь?

Пиромани. Всем! Птицей в пебе, деревом и оленем в лесу, твоим садом.

Григол. Эй, эй, погоди! Птицей в пебе владеёшь, но моим садом владею я!

Пиромани. Твой сад тебе владеет, а не ты им. Твой сад заставляет тебя кланяться ему с лопатой в руках, твой сад заставляет тебя стеречь его от мальчишек. Руки твоих деревьев выпиваются из тебя все соки. А я с твоим садом на равных: с каждым деревом я могу быть запросто, как и оно со мной.

Григол. Свою лень хочешь оправдать!

Пиромани. Я не лентяй, я много рисую.

Григол. Кому нужна твоя мазия?

Пиромани. Мне.

Григол. Разве что тебе. Если бы ты еще рисовал похоже, тогда мог бы хорошо продавать свои картины. А ты просто не умеешь рисовать!

Пиромани. Похоже на то, как ты видишь,— не умею.
Григол. На твоих картинах люди уроды, а я вижу правильно!
(Участливо.) Ты бездарный, да?
Пиромани. Когда рядом с яблоней
выросла груша,
яблоня очень рассердилась:
«Что за уродливые яблоки
висят на ветвях соседки?
Таких яблок просто не бывает!
Это неправда!..»
Яблоня хорошо знала
саму себя,
и все,
что было непохоже на нее,
ее оскорбляло.
Кто ей смог бы объяснить,
что у груши
свой вкус,
свои семечки,
своя душа?..
Ты надменен, как яблоня в саду,
возле которой
выросла груша!

Григол (с жалостью смотрит на Пиромани). Бедный, совсем
расхоронился. Плохо, Нико, а?

Пиромани. Светлый угол у меня, чем плохо?

Григол. Под лестницей светлый угол! Где окна увидел?

Пиромани. Ты слепой, что ли? Смотри, сколько окон! (Показывая на стены.) Одно — в базар...
Вспыхивает и гаснет один из патюромортов.
Другое — в пир...
Вспыхивает и гаснет «Пир трех князей».
Третье — в твой сад, в четвертом — всегда солнце стоит.
И днем и ночью...

Тихо начинает звучать дудуки. В глубине сцены высыпчивается пироманиевский «Жираф». Он достигает головой портала. Мерцают золотые пятна.

Григол. Какое солнце?.. Это жирафа!
Пиромани. А ты никогда не видел, как солнышко сквозь листву
ложится? Пятнами! Такими, что смотреть не больно, а приятно. Я все эти пятна на жирафу положил. Шея у нее высокая, длинная, много пятен уложилось. Вот она мне и светит
днем и ночью своей доброй шеей.
Григол (убежденено). Плохо пируешь, Нико: сам себе вино, сам
себе тамада, сам себе гость.
Пиромани. Сам себе и хозяин.

Махнув на Пиромани рукой, зажигательный крестьянин встает и принимает в картине прежнее положение.
Замирая, звучит дудуки. «Жираф» медленно гаснет. Мгновение спустя начинает гаснуть портрет зажигательного крестьянина, словно добрый жираф уводит от Пиромани неприятного собеседника.
Дудуки смолкают. Пиромани задумался. И вдруг, как удар кистью по стене, возникает «Рыбак в красной рубахе».

Рыбак. Эй, Нико, зачем в красной рубахе меня нарисовал? Стою
над речкой, как костер, на котором сейчас рыбу жарить будут! Где видел меня в красной рубахе? Нет у меня такой
красной рубахи!

Пиромани (вскочив). Была красная рубаха! Сам видел!
Рыбак. Не мог видеть! Зачем в глаза врешь? Мне лучше знать,
что у меня есть, а чего нет. Всем людям неправду сказал
про меня! И почему в красной?
Пиромани. Откуда я знаю? Видел я ее, твою красную рубаху.
Сам видел, на тебе видел.
Рыбак. Нет у меня красной рубахи! И была бы — не надел: только
рыбу пугать. Ни один рыбак не надел бы! Зачем неправду

нарисовал? Зачем людей обманываешь? Художник правду должен рисовать! Ты плохой художник, да?

Пиромани закрывает ладонями глаза. «Рыбак в красной рубахе» гаснет.

Пиромани отнимает руки от глаз, поворачивается к другой стене.

В стене возникает «Актриса Маргарита».

Маргарита. Ты меня разлюбил, Нико?

Пиромани. С чего взяла?

Маргарита. Только разлюбивший человек может так нарисовать женщину! Лучше бы совсем не любил. Прошел бы мимо, и все. Было бы честнее. Почему не нарисовал, когда с ума сходил по французской «актрисе Маргарите»?

Пиромани. Некогда было! Лавку продавал.

Маргарита. Какую лавку, Нико?

Пиромани. Молочную. Лавка была у меня. Ребятишки из Табхемели мацони привозили, хозяйки быстро разбирали. Хорошо торговал, хорошо жил, честно: сколько ребятишкам платил, столько с хозяек брал. Никогда мацони не залеживалось!

Маргарита. Как не прогорел, Нико?

Пиромани. Зачем прогорать? Кредит в банке был, сыт был. Человек человеком жив, а не деньгами.

Маргарита. Зачем же лавку продал?

Пиромани (кричит). Тебя увидел! Продал лавку — на все деньги роз тебе накупил! Три арбы роз пригнал тебе. Ортачальные садовники шапки передо мной ломали! Тебя увидел, хотел позвать — дыхание перехватило. Нельзя тебя человеческим голосом было звать!.. Подумал: позову розами. Розы нельзя не услышать.

Маргарита. Я не услышала, Нико. Я ведь актриса, я много цветов получала. Я не услышала твоих роз. Вата аппликаторов заложила мне уши. Ты ведь и сам мне хлопал!

Пиромани. Я тебе не хлопал!

Когда хлопают в ладоши —
это страшно.

Ведь рука бьет руку!

За что?

Что одна рука сделала другой?

Почему они дерутся?

Чтобы кому-то одному,

кто стоит выше всех
и кланяется,
было приятно от этого шума?

Нет!

Благодарить должна тишина!

Только молчалье
бывает настоящим благодарением!

Я тебе не хлопал.

Я молчал, потрясенный...

А когда рука бьет руку
в твою честь,
она может потом
и тебя ударить.

Рукам только дай разойтись!

Сначала они тебе
хлопают,
потом они тебя
хлопнут!

Маргарита. Или нарисуют так, как ты меня нарисовал!

Пиромани. Чем недовольна?

Маргарита. У меня — ножки! А ты пнатнул на них голландские чулки. А они толстят! В жизни не носила голландских чулок. Теперь стою на двух полосатых тумбах!

Пиромани. Крепче стоять будешь.

Маргарита. А руки?.. Зачем ты мне их растопырил? Как будто я вывела двух собак на прогулку и они тянут в разные стороны... И складка на шее. Откуда? И потом, мне холодно! Слышишь? Мне просто холодно! Смотри, какой ветер ты на-

рисовал на траве! А плечи у меня совсем голые. Мог бы на них хоть шаль накинуть. Ты нарочно, да?..

Пиромани молчит.

А в руке — розы! Это те самые, из ортачальских садов?

Пиромани. Да. Это те, которыми я позвал тебя.

Маргарита. Мог бы позвать еще раз!

Пиромани. У меня была только одна лавка. Прости.

Обиженно понюхав букетик роз, «Актриса Маргарита» гаснет. И тут же высвечивается «Пир трех князей».

Первый князь (с кувшином в руке). Эй, Нико, почему назвал картицу «Пир трех князей»?

Пиромани. Потому, что три князя сидят на траве и хотят выпить и закусить.

Второй князь. Что значит «хотят»? Так и будем сидеть всю жизнь и хотеть выпить и закусить?

Третий князь. Видали?.. «Хотят»! Почему не нарисовал, что уже пьем?

Первый князь. А что на столе? Цыпленок, два куска дыни — и все?

Второй князь (мрачно). Пучок редиски.

Первый князь. Да, пучок редиски...

Третий князь. Три рыбки на тарелке!

Второй князь (к Пиромани). Хорошо считать умеешь: три князя — три рыбки... Большой пир устроил нам, Нико. Спасибо, дорогой! Эй, князь Георг, скажи, хорошее хоть вино в кувшине, который держишь?

Первый князь. Откуда мне знать, что за вино в этом кувшине? Сколько лет не могу наклонить голову и заглянуть в кувшин! (Заглядывает в кувшин, трясет его.) Эй, Нико! Зачем обманул? Пустой кувшин нарисовал!

Второй князь. Нас — хорошо нарисовал!

Третий князь. Что хорошо — то хорошо! (Поправляет усы, шапку.)

Второй князь. Почему плохо стол накрыл? Еду рисовать не умеешь?

Пиромани. Умею, умею!

В стене напротив князей высвечивается один из самых сочных натюрмортов Пиромани. Князья даже вскочили.

Первый князь. Зачем рисуешь еду отдельно, людей отдельно? Ты негостеприимный, да?

Второй князь. В каком грузинском доме видел, чтобы еду от гостей прятали!

Третий князь (тянется руками к натюрморту). Смотри, сколько на полке стоит! Хвалишься, что все есть у тебя, а людям не даешь?

Пиромани. Это — натуррр-морррт! Его нельзя соединять с людьми. Так все художники делают.

Первый князь. Плохие художники так делают!

Третий князь. Подавай сюда твой натуррр-морррт!

Второй князь. Ты понимаешь, что такое художник, а?

Пиромани. Художник — это... (Запнулся.)

Второй князь. Говори, говори, дорогой, что замолчал? Не знаешь?

Пиромани (самому себе, не обращая внимания на князей). Это... идет человек по улице, и вдруг... удар по глазам...

Третий князь. Разбойники напали?!.. (Пытается выхватить из-за пояса кинжал, которого нет.)

Пиромани (отмахнувшись).

Солнце
ударило по глазам.

Улица
ударила по глазам.

Девочка с шаром...
Она совсем далеко,
маленькая.

А ее легкий шар
так по глазам ударили,
что мир

стал другим.
Зеленый лист...
зеленее!
Солнце...
еще ярче!
Виноград...
прозрачнее!
Яблоки...
румяннее!
И люди...
интересными какими-то стали!

Первый князь. Не понимаем, дорогой. Ты князьям говоришь?
А что говоришь? Про улицу говоришь. Зачем князю улица?
Князь на коне едет! Князь в коляске едет! Князь не видит
улицы, он смотрит туда, куда едет: к другому князю на пир
едет! Можешь объяснить?..

Пиромани. Да. Художник — это когда лошади понесли...
Второй князь. Но это несчастный случай!

Пиромани (кричит). Художник и есть несчастный случай!
А когда счастливый случай, тогда не художник. Тогда —
князь.

Первый князь. Ты кто такой, чтобы дерзить князьям?

Одна за другой вспыхивают картины: «Зажигочныи крестьяни», «Рыбак в красной рубахе», «Актриса Маргарита».

Григорий. Ты кто такой, чтобы рисовать одну яблочную кожурку на
моих деревьях?!

Рыбак. Ты кто такой, чтобы надевать на меня рубаху, которой у
меня нет?!

Маргарита. Ты кто такой, чтобы держать меня на ветру с голыми плечами?!

Что мне твой пучок роз!

Второй князь. Что нам твой пучок редиски!

Маргарита. Ты просто мужлан! Ты... неотесанный камень, ко-
торый валяется на дороге!

Пиромани мечется между картинами, кидается на колени,
стучит кулаками об пол. Пауза.
Все персонажи картин, не двигаясь, но чуть изменив перво-
начальное положение, надменно смотрят на него.

Пиромани (садится).

Я неотесанный камень?..
Пожалуйста!
Я валяюсь на дороге?
Пожалуйста!
Хочешь —
бери меня в кладку своего дома,
не хочешь —
не бери.
Я не навязываюсь.
Обернешься —
я не пошевельнусь.
Не обернешься —
я тоже не пошевельнусь.
Разве это значит,
что мне безразлично?
Нет!
Просто я знаю то, что знаю.
Кому-то это мало,
кому-то — много.
Кто-то не берет меня потому,
что я корявый.
А кто-то потому,
что не может снести.
Я не навязываюсь.
Я знаю только то, что знаю.
Меня облепит пыль,
я узнаю немного больше —
ровно на столько,
сколько пылинок меня облепит.
Меня омоет дождь,

я узнаю немного больше —
ровно на столько,
сколько капель на меня упадет.
Пусть одна капля.
Но я буду знать на каплю больше!
Меня пнет
человеческая нога —
я узнаю,
что такое взлететь,
я узнаю, что такое упасть...
Но и человек узнает немного больше:
он будет прыгать
на одной ноге,
поджав под себя ушибленную.
И если человек не поймет,
что узнал немного больше,
мне жаль его.
Ведь боль, даже в ноге,
должна заставить человека
подумать.
Он станет умнее
еще на одну боль!..

Картины продолжают надменно молчать. Непонятно, как и откуда, просто выхваченная лучом света, появляется Ия.

Ия (не без иронии). «Он станет умнее еще на одну боль!..» Зачем ему это? Он просто потрет ушибленную ногу и пойдет дальше.

Пироcмани. Эй, откуда ты взялась?

Ия (кивает на портрет зажиточного крестьянина). Оттуда.
Пироcмани. Но я тебя не рисовал.

Ия. А я работала в саду, вон за той яблоней.

Пироcмани. Что ж не выглянула?

Ия. Я не кошка, чтобы выглядывать из-за деревьев: турнут меня или нет.

Пироcмани. Кто ты?

Ия. Ия.
Пироcмани. Откуда ты взялась?
Ия (кивает на картину «Пир трех князей»). Оттуда.
Пироcмани. Но я тебя не рисовал.
Ия. А я лошадь пасла, что вон там, у замка, ходит.
Пироcмани. Что ж не выглянула?
Ия. Больно далеко. Все равно не приметил бы.
Пироcмани (с нарастающим удивлением). Откуда ты взялась?
Ия (кивает на «Актрису Маргариту»). Оттуда.
Пироcмани. Но я тебя не рисовал!
Ия. А я стояла сзади, за ее юбками. Ты меня и не увидел.
Пироcмани. Не увидел — значит, не нарисовал.
Ия. Но ведь я есть!
Пироcмани. Да, да... Странно! Очень странно. Зачем ты здесь?
Ия. Просто так. Взяла и вышла. (Кивает на картины.) Оттуда...
Оттуда... Оттуда... Чего, нельзя?
Пироcмани. Почему нельзя? Можно. Все можно, раз я тебя не
нарисовал. Кто же ты?
Ия. Ия.
Пироcмани. Да, да, ты мне уже говорила. Ия!.. Кто же ты?
Ия (терпеливо). Ия.
Пироcмани. Вижу, что Ия.
Ия. Зачем опять спрашиваешь?
Пироcмани. Я любопытный. Учился мало, вот все и спраши-
ваю. А тебе что, жалко голос потратить? Голос не деньги!
Ия. Почему жалко? Пожалуйста! (Кричит.) А-а-а-а...
Пироcмани. Эй, замолчи! Уши мне пробьешь! (Смотрит на
нее.) Ты кто?
Ия (разозлившись). Грелка! Примочка! Аспирин!
Пироcмани (смеется). Тебя доктор прописал?
Ия. Конечно. Ты послал за мной в аптеку, и меня отвесили. Зна-
ешь, на таких маленьких весах.
Пироcмани. Что-то много отвесили. Не испортились ли весы?
Ия. Меня отвесили чуть-чуть. Я здесь чуть-чуть. Понимаешь?
Пироcмани. Нет. Тебя много. Тебя очень много.
Ия. Меня мало.

Пиромани. Да, пожалуй, мало. Но повязка на глазах — тоже всего лишь кусочек ситцу. Кусочек! А ничего не видишь. Зачем ты здесь?

Ия. Ты давно хотел иметь такую повязку на глазах. Разве не так?

Пиромани. Такую? (*Рассматривает ее.*) Пожалуй, да. Хотел. Закрой меня от них! (*Показал на онемевшие картины.*) Я не хочу их видеть!

Ия. Что же ты хочешь, Нико?

Пиромани. Чтобы они меня тоже не видели!

Картины гудят.

Слышали?.. Они взбунтовались против меня. Им не нравится, как я их написал! Что они понимают, бездельники? Висят себе на стенах, а тоже мне, гудят! Да картины висеть на стенах — все равно что человеку иметь дом и постель. Валяйся себе сколько угодно! (*Картинам.*) Что вам еще нужно? Вы все пристроены! Вы не дети, чтобы мне кормить вас, и вы не дети, чтобы вам кормить меня. Мы чужие! Слышите, вы? Вы не дети мне! Вот Ия... Я ее никогда не рисовал! А она со мной! Она таилась за вашими спинами, чтобы прийти вовремя! Слышите, вы?.. Ну? Что же вы замолчали? (*Ие.*) Молчат! А? Ты видела что-нибудь подобное?!

И вдруг картины словно прорвало: они стали что-то кричать, махать руками...

Ия зажимает Пиромани уши. Звук мгновенно обрывается, но картины начинают еще ожесточеннее размахивать руками, беззвучно что-то крича. Ия прижимает голову Пиромани к себе и ладонью закрывает ему глаза. Все картины мгновенно гаснут. Ия отходит от Пиромани.

Ия. Со всеми поругался?

Пиромани. Со всеми.

Ия. С «Маргаритой» давно пора!

Маргарита (*неожиданно вспыхнув, Ие.*). Замолчи, ты, вообще ненарисованная!

Ия. Погасни!

«Маргарита» испуганно гаснет.

Пиромани (*Ии.*). Ты кто?

Ия. Ия.

Пиромани. Да, да. Раз ты говоришь, что ты Ия, — значит, ты Ия!

Ия (*присев на корточки рядом с ним, не без иронии.*). Бедный Нико!

Пиромани. Конечно, бедный!
Почему мне не быть бедным?

Я бедность свою,
как богач, трачу!
Ведь у меня ее сколько угодно,
этой бедности.

В банк положу!
Большой процент даст банкир
на такой заклад.
Приди обратно брать,
скажет:

«Бери, Нико!
Бери обратно свою бедность!
Какими бумажками хочешь?
По сто рублей?

Пожалуйста!
По двадцать пять?
В четыре раза будет больше!
По пятьдесят?
Сделай милость, дорогой!
Только копейками не бери.

Не такой заклад
твоя бедность,
чтобы копейками брать ее
обратно.

Что копейка бедности?
Так!

На глоток воздуха не хватит.
А на сто рублей бедности
можно дышать
сколько хочешь.
Купишь запах шашлыка
у духанища,
купишь запах лучшего вина
в Цинандали,
купишь блеск от золота
в ювелирной лавке,
у ортачальской красавицы
взгляд купишь...
Любящий взгляд!
Ведь дорого платишь, Нико.
Сто рублей бедности!
Кто разменяет?»
Персидский меняла скажет:
«Туманов не хватит!»
Индийский меняла скажет:
«Рупий не хватит!»
Русский меняла
за голову схватится:
«Где я возьму тебе
столько денег, Нико,
чтобы разменять
твою бедность?..
Большой заклад бедности
вынул из банка,
с процентами вынул!
Самым богатым человеком
на земле стал!..»

И я. Ты ляг, отдохни... (Укладывает его на пол, заботливо пододвигает под голову чемодан с красками.) А я тебе колыбельную спою.

Пиросмани (поднимается). С ума сошла? Пятьдесят шесть стукнуло! Какую колыбельную?

И я. А я тихо, по секрету. Чтоб никто не слышал. Да ложись ты, горе мое! (Снова его укладывает.) Жалко, что не в зыбке лежишь. А то бы покачала.

Пиросмани (счастливо улыбаясь). Совсем с ума сошла! (Закрывает глаза.)

Золотыми солнечными пятнами начинает светиться «Жираф». Издалека возникает звук дудуки.

И я (склонившись над спящим Пиросмани, не поет, а говорит свою колыбельную).

Спи, богатый человек,
Нико Пиросманашвили!
Мы напишем
длинный список твоих богатств
и отнесем его купцам.
«Вай, вай, вай! —
закричат купцы.—
Какой длинный список!
Если бы он был дорогой
между Казбеги и Ушбой,
эти горы
никогда не увидели бы друг друга...
И чего только нет
у этого Нико!
Дома нет!
Сада нет!
Барашка нет!
Лавки нет!
А ведь простой человек.
Мог бы бегать
по Авлабару
с корзиной яблок на голове,
продавать уголь,
точить ножи...
Но зачем такое
богачу,

у которого чего только нет!

Дома нет!

Сада нет!

Барашка нет!

Лавки нет!..»

Спи, дорогой,

ты всю жизнь собирал
это богатство.

Наверное, устал?

А?..

Помрешь —

наследники все растащат.

Станут хвалиться

друг перед другом:

«Чего у нас только нет!

Дома нет!

Сада нет!

Барашка нет!..

Лавки нет!..»

Спи, Николá,

а я буду сторожить
твое богатство,
чтоб не укради...

Спи!

Мерцаает золотыми пятнами «Жираф»... Тихо поет дудуки...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Мерцаает золотыми пятнами «Жираф»... Тихо поет дудуки...
Пиросмани спит на полу, положив под голову чемодан с
красками. И я исчезла.*

*Высвечивается картина «Дворник». Дворник выходит из
картины. Стучा палкой, направляется к спящему Пиросмани.*

Дворник (*тычет палкой в бок Пиросмани*). Эй, вставай!

Дудуки смолкает, «Жираф» гаснет.

Пиросмани (*садится*). Зачем дерешься? Что я, деньги у тебя
украли?

Дворник. Свой почлег на спине носишь! Нельзя спать на город-
ских скамейках.

Пиросмани. Скамейку пожалел?

Дворник. Приличным людям понадобиться может.

Пиросмани. Кто ночью гуляет?

Дворник. Хо! Кто гуляет! Мало ли кто?.. Князь возвращается с
пирушки, хочет посидеть на скамейке, отдохнуть. А здесь —
ты! Куда деваться бедному князю?.. Дочь одного богатого
миллионера и сын другого богатого миллиардера захотят по-
деловаться на этой скамейке. А здесь — ты! Куда деваться
бедным детям?

Пиросмани. Где видишь «бедного князя», где «бедных детей»
увидел? Никого нет!

Дворник. Пока — нет. Подойти могут.

Пиросмани. Подойдут — встану. Дай поспать человеку.

Дворник. А вдруг сон увидишь?

Пиросмани. Какой сон? Какой сон?

Дворник. Антигосударственный, вот какой! Народ с красными
флагами увидишь! «Долой царя» кричать будут! Зачем мне

такие неприятности на моей скамейке? Уходи! (Тычет его палкой.)

Пиромани. Эй, убери палку!

Дворник. А зачем нарисовал? Нарисовал бы метлу, я бы у тебя подмел. А ты мне — палку!

Пиромани. Думал — старый человек, опираться будешь.

Дворник. Палкой я бродяг со скамеек поднимать должен. Уходи!

На пустом фоне дворниковской картины появляется Ия. Схватившись за края картины, смотрит, как дворник палкой гоняет Нико. Выскочив из картины, Ия выхватывает у дворника палку, заталкивает его обратно в картину, сует в руку палку.

(Ворчливо.) Не в ту руку сунула! (Перекладывает палку в другую руку, замирает.)

Картина «Дворник» гаснет.

Пиромани (Ии). Ты кто?

Ия. Ия.

Пиромани. Раз ты говоришь, что ты Ия,— значит, ты Ия. И с этим ничего не поделаешь.

Ия (садится на пол. Сидит тихо и чинно, словно позирует). Я — та, о которой ты мечтал всю жизнь. Посмотри на меня. Видишь? Я — та самая.

Пиромани. Да, да. Кажется, так. Я мечтал о тебе каждую секунду... Секунду? Нет. Откуда я знаю, какие они из себя, эти секунды? У меня никогда не было часов. Нет! Я мечтал о тебе каждым стуком моего сердца. (Прислушивается к себе.) Стук — и ты! Стук — и ты! (Кричит.) Где пропадала так долго? Почему не пришла раньше? С другими путалась?

Ия. Нико!

Пиромани. Что «Нико», что «Нико»? Почему шла так долго?

Ия. Знаешь, я шла... Я спрашивала... Мне отвечали: «Видели там!»

Я шла «туда». Мне говорили: «Он только что ушел...» — «Ку-

да?» — «Туда!» Я опять пла «туда»... Потом мне дали твой точный адрес.

Пиромани. Интересно какой?

Ия. «Взял свой ящик с красками и пошел, куда пошел»... Так я тебя нашла.

Пиромани. Все-таки нашла, а?

Ия. Все-таки нашла. Обними меня.

Пиромани. Разве мечту можно обнять?

Ия (улыбнувшись). Ты попробуй.

Пиромани неловко пытается ее обнять.

(Испуганно отстраняется.) Меня нельзя трогать. Я — мечта.

Пиромани. А разве мечта не греет, когда на дворе осень и нет печки? Только мечта и греет.

Ия. Я не печка. Отстань...

Пиромани. Печка, печка! (Опускается перед ней на колени, протягивает руки, словно грея их у печки.) А? Как тепло...

Ия (неуверенно). Я не печка.

Пиромани. Печка, печка. А? Как тепло! (Греет руки.)

Ия (участливо). Ты сильно озяб?

Пиромани (поежившись). Не знаю. Кажется, нет. А ты мне счишься?

Ия. Нет. Кажется, нет.

Пиромани. Ты что, настоящая?

Ия молчит.

Знаешь, я ухожу в сон,
как сорвавшаяся с крючка рыба
ходит в глубину.

И там для нее начинается
настоящая жизнь.

Так и для меня.

Во сне.

Наверное, сон — это и есть для меня то,
что на самом деле?

А?

Во сне —
дворники добрые.
Художники
любят друг друга.
Можно зайти в любую квартиру
И лечь спать.

И я. Не надо!
Ты можешь провалиться в другой сон...
Пиромани. Да, конечно.
И тогда сон обернется злыми дворниками.
Нет, нет!
Я во сне никогда не ложусь спать...
И тогда мне снится
рыбак в красной рубахе.
Почему?.. Он прав!
Почему в краской?..
Высвечивается картина «Рыбак».

Рыбак. Почему в красной нарисовал? Нет у меня красной рубахи, а ты нарисовал. Стою и рыбку пугаю!.. Если бы в зеленой нарисовал — рыба подумала бы, что я прибрежный куст. И не испугалась бы. Если бы в синей нарисовал — она бы меня за небо над водой приняла. И не испугалась бы. А как в красной рубахе я могу поймать рыбку?

Пиромани. Но ты держишь в руках рыбку! Она не испугалась, ты поймал ее.

Рыбак (возмущенно). И это рыбка?! Ты не рыбку мне нарисовал, ты месяц нарисовал. Как будто я месяц вытащил из воды. Как я могу тебя накормить такой рыбой? На, ешь свой месяц! (Поднимает над головой узкую рыбку, та начинает светиться.)

Картина «Рыбак» гаснет.
Остается только рыбка-месяц.

Пиромани. Вот и месяц заглянул ко мне...
И я. Ты сильно озяб?
Пиромани. Нет.

И я. Но тебя трясет.
Пиромани. Разве?.. Да, трясет. Но это я еду на поезде.
И я. На поезд?
Пиромани. Конечно! А ты никогда не ездила?
И я. Нет, не ездила.
Пиромани. Странно. Кто же ты?
И я. Ия.
Пиромани. Да, да. Раз ты говоришь, что ты Ия,— значит, ты
Ия. Так ты не ездила на поезд?
И я. Один раз. И меня тоже трясло. Я ехала без билета и боялась,
что меня выкинут на ходу.
Пиромани. Хо! Разве на поезде от этого трясет? Там есть такие стыки на рельсах. От них и трясет.
И я. Господи! Зачем же они делают эти стыки?
Пиромани. Для того, чтоб трясло. А то какой же путь, если
тебя не трясет? В дороге обязательно должно трясти. Для того и стыки на рельсах.

Пауза.

И я. Что ты замолчал?
Пиромани. Поезд, вроде бы, подходит к конечной станции.
И я. Но он поедет обратно?
Пиромани. Понимаешь, я не достал обратного билета: касса
была закрыта.
И я. А ты зайцем, а?
Пиромани. Я сюда ехал зайцем. Обратно не хочу, обратно
стыдно.
И я. Попробуй, Никала, а?
Пиромани. Под скамейкой? Не хочу больше под скамейкой!
Хочу на своем месте.
И я. Так возвращайся на своем месте. Я жду!
Пиромани. Ждешь, да?
И я. Жду, Никала.
Пиромани. Так ждешь?
И я. Жду. Очень жду!
Пиромани. Хорошенькое дело! Меня ждут, а касса закрыта...
И я.

Эй, откройте, откройте, откройте!.. (Барабанит в воображаемое окошко, но стук получается реальный. Опускает руку, но стук продолжается.)

И я. Кто там?

Пиромани. Входите, здесь все открыто...

Стук смолкает.

Я знаю, кто это. Это русский художник.

И я. Русский художник? Кто такой?

Пиромани. Я знал, мне говорили художники, когда я был у них.

И я. Ты был у художников? Зачем?

Пиромани. Взял и пошел. Пригласили. Это было совсем не как во сне, когда художники любят друг друга.

И я. А тот, русский?

Пиромани. Он далеко, его можно любить.

И я. Зачем он тебе?

Пиромани. Он нарисовал красного коня. Совсем красного, как не бывает. Купанье красного коня! А у меня рыбак в красной рубахе. Почему? Он объяснил. Он ученый, у них все там ученые.

И я (прислушивается к тишине). Он больше не стучит.

Пиромани. А что я, царь, что ко мне надо стучать, когда входишь? Ты не стучала!

Свет медленно гаснет. В луче — только лицо Пиромани.

Послушай, русский,
заходи ко мне в гости...

А?

Прошу! Пожалуйста! Сейчас!

Какой ты, русский?

Прости, дорогой, я тебя могу не узнать.

Нет, узнаю:

ты большой, черный и у тебя усы...

Да, да!

А глаза, как у моей жирафы,—

так смотрят,
что сам добрым становишься.
И сапоги у тебя новые.
Совсем новые сапоги,
из одной заплаты,
только подметки чуть-чуть потерты.
От дороги ко мне.

А она совсем короткая:
ты да я — вот и вся дорога!
Хорошо, когда новые сапоги.

Правда?
Совсем новые, а уже не жмут.

Так не бывает,
но пусть у тебя будет так!

Послушай, русский,
заходи ко мне в гости.

А?..

Свет медленно загорается.

И нет. Пиромани сидит, уставившись в одну точку. На другом конце сцены, на табурете, сидит русский художник. Совсем такой, каким представил его себе Пиромани: большой, черный, в усах, переходящих в бороду, и с добрыми глазами. Словно сошел с картины Пиромани «Муша с бурдюком» или «Муша с бочонком». Только одет — как русский ремесленник в праздник.

Художник (подтягивая голенища сапог). Спасибо, Нико. Совсем новые, а уже не жмут. Так не бывает, а у меня так. Спасибо тебе.

Пиромани (не двигаясь, не оборачиваясь). Ты пришел все-таки.

Художник. Пришел, Нико. А дорога действительно была короткой: ты да я — вот и вся дорога.

Пиромани. Ты пришел. Спасибо тебе.

Художник. За что благодаришь, Нико?

Пиромани. Сейчас я скажу, чтоб кушать давали. Прости, по-

суда плохая. Но любо хороший... И шашлык... совсем молодой барашек был! (*Сидит, уставившись в одну точку.*)

Художник. Спасибо, Нико. Ты не суетишься, я сыт.

Пироман. И какетинское... Знаешь, такое, свежим виноградом пахнет. Мать прислала бурдюк. Правда, ее уже давно нет на свете, но для такого случая она прислала. Выпьешь, русский?

Художник. Прости, Нико, но я хорошо выпил за обедом. Пускай бурдюк с вином потерпит, а?

Пироман. Пускай потерпит, бог с ним!

Художник. Откроешь его с кем-нибудь еще.

Пироман. Я ни с кем его больше не открою, русский.

Художник. Ну... тогда пусть будет так, как будто мы его уже выпили.

Пироман. Пусть будет!.. Ты не захмелел немножко, а?

Художник. Немного захмелел, Нико. Дивное вино! Сразу видно, что его мать прислала. И действительно, чуть отдает свежим виноградом.

Пироман. Вот видишь! А ты не хотел пить. (*Сидит, уставившись в одну точку.*)

Художник. Я хотел, Нико. Просто я подумал, что тебе еще с кем-нибудь захочется выпить его.

Пироман. Нет. Ни с кем больше мне пить уже не захочется.

Художник. Да. Славное было вино. Жаль, что мы уже все выпили.

Пироман. Я напишу матери, она еще пришлет.

Художник. Да. Пожалуйста, напиши. Вино прекрасное. Я такого, честно говоря, никогда не пил.

Пироман. Вот видишь! А ты не хотел пить. (*Сидит, уставившись в одну точку.*)

Художник. И шашлык. Удивительный шашлык был.

Пироман. Я же сказал: барашек совсем молодой.

Художник. Да. Вкуснотища, Нико.

Пироман. Жалко, чихиртма не вышла. Не получилась. Я сказал, чтоб не давали.

Художник. И без чихиртмы все превосходно.

Пироман. Да. Но жаль, что чихиртма не получилась.

Художник. Конечно, жаль! Я обожаю чихиртму.

Пироман (*озорченно*). Вот видишь! А чихиртма не получилась.

Художник. Ничего, получилось главное: сапоги совсем новые, а уже не жмут. (*Подтягивает голенища сапог.*)

Пироман. Да. Это, конечно, хорошо. Это главное.

Художник. Как тебе это удалось?

Пироман. Не знаю. Должно же быть так, чтоб человеку хоть раз что-нибудь удалось.

Художник. Это тебе удалось. (*Подтягивает голенища сапог.*)

Пироман. Да. Это мне удалось. Я рад. (*Встает.*) Ты наконец будешь меня учить, а?

Художник. Чему, Нико?

Пироман. Всему! Что такое натуррр-морррт?

Художник. Мертвая природа.

Пироман. Да, мне говорили так. Вот не думал, что это правда.

Художник. Правда, Нико. «Натур» — природа, «морт» — мертвая.

Пироман. Это виноград, да, мертвый?

Художник. Да, и виноград.

Пироман. И рог с вином?

Художник. Да. Рог тоже.

Пироман. И огурец, и груши, и поросенок?

Художник. Да.

Пироман. Неверно, нехорошо сказал!

Художник. Почему, дорогой?

Пироман. Потому, что я их не на столе рисую...

Натуррр-морррт!

Это пир, еще не поданный на стол.

Шашлыки встали на ножки шампуром и замерли.

И гусь и поросенок замерли
на своих блюдах,
как заряженные пушки на лафетах.
Бурдюк надулся.

Он —
генерал перед боем.
Рог вот-вот прольется от тяжести вина.
Виноградная кисть рухнет,
если ее не поддержать ладонью.
Замершая натура!
Понимаешь?
Все замерло и напряглось в ожидании человека!
А он еще не пришел.
Опаздывает.
Встретился с друзьями и хочет затащить их на пир.
И виноград ждет,
рог ждет,
поросенок ждет —
все ждут хозяина с гостями.
Вот что такое —натуррр-морррт!
Это —
когда вещи нас любят и ждут,
это —
словно все висит над столом,
готовое обвалиться на него,
придавить тяжестью вина и барашка.
Еда перед боем!
Они все просто так не сдадутся человеку,
они будут прибывать и прибывать,
пока человек не рухнет,
побежденный.
А казахстанское тут —
полководец.
Вот что такое натуррр-морррт!

Художник (*помолчав*). А вкус твоего вина до сих пор еще у меня на губах.

Пиромани. Я напишу матери.

Художник. Да. Пусть пришлет еще.

Пиромани. А что такое пер-спек-тива?

Художник. Боюсь, тебе опять не понравится, как я скажу.

Пиромани. Скажи все-таки.

Художник. Это когда далеко стоящего человека ты рисуешь маленьким и нечетко — так, в два-три мазка. А того, который близко стоит, — большим, в полклещи. Или под раму, под самый верх. Если, конечно, деньги на раму найдутся.

Пиромани (*замахав руками*). Ох, что ты! Рама дороже картины стоит. О ней пускай заказчик думает.

Художник. Пускай думает. А ты вообрази себе раму.

Пиромани. Зачем воображать то, на что у тебя денег нет?

Художник. А на шашлык у тебя всегда есть деньги?

Пиромани. Это не я, это мой голод воображает.

Художник. Зачем говоришь о голоде после такого обеда? Аппетит! Это твой аппетит воображает.

Пиромани. Да, конечно! Какой голод? Один аппетит. И никакой пер-спек-тивы.

Художник. Как... никакой перспективы?

Пиромани. Если есть один аппетит и ничего больше — какая тут пер-спек-тива?

Художник (*несколько смущившись*). Ты хотел узнать про другую перспективу.

Пиромани. Ты и про ту неверно сказал.

Художник. Почему, Нико?

Пиромани. А если далеко стоит друг?

А впереди —
дурак и доносчик?
Который каждое твое слово слушает?
Даже не слушает,
а кушает,
разинув рот,
чтобы потом упечь тебя в Метех?
Что ж я его, круглоротого,
буду рисовать в полклещи
или под самую раму?
Нет!
Я этого круглоротого —

в два-три мазка.
И маленьким.
Совсем маленьким.
И рта ему не парисую вовсе,
чтоб не разевал.
И ушей не дам сму.
А друга,
который совсем далеко,—
напишу большим и красивым.
Пускай, большой,
стоит вдалеке,
смотрит на меня
и радуется,
как я ловко разделался с доносчиком!
А?..

Художник. Но тогда нарушится линия горизонта! То, что далеко, ближе к горизонту и всегда кажется меньшее...

Пирсами. Пусть рушится!..

Пускай я буду для него на горизонте!

Пускай стоит
и радуется во все глаза,
как я, маленький,
разделался с тем большим дураком,
что рот на меня разевал.

Вот ты совсем далеко от меня,
на горизонте,
даже еще дальше...

А сидишь и смотришь на меня,
большой, и красивый,
и добрый ко мне.

Разве ты не такой?..

Художник (*помолчав*). А себя ты когда-нибудь рисовал?

Пирсами (*со знанием дела*). Автопортрет, да? Рисовал.

Художник. Маленьким? Или большим?

Пирсами. Не помню. Назывался: «Нико Пирсманашвили в хорошем костюме, а не в таком плохом». Подарил кому-то.

(Усмехнулся.) Я даже одну клеенку хотел на выставку отнести. В духане висела.

Художник. Духанщик не дал?

Пирсами. Что ты! С большой охотой давал. Даже снимать со стены начал. «Лучшая, говорит, картина будет на выставке, Нико. Ты даже не знаешь, что нарисовал одного князя, который за обедом может выпить три ведра вина. Народ плавит смотреть на такое!»... «Пускай здесь висит,— сказал я,— пускай лучше к тебе в духан народ валит смотреть на такое!» (*Помолчав*.) Ты показывал людям своего красного коня?

Художник. Да, на вернисаже, в двенадцатом.

Пирсами. Вернисаж? Что такое?

Художник. Открытие выставки. Вернисаж называется.

Пирсами. Да-да. Слыхал. Художники говорили. Думал, что про сажу говорили. Вот видишь, какой дурак! Совсем не учился. Ни по-русски, ни по-грузински не учился.

Художник. Ты и вправду дурак, Нико! Разве птицу можно обучить ремеслу пения? Она либо соловей, либо — пет. А разве соловей поет грузинскую или русскую песню? Небо поет соловьем, дерево поет соловьем, трава поет соловьем. У травы, у неба, у дерева нет голосов, и соловей трудится за всех: он радуется своему простору, он радуется своему высокому росту, он радуется своему цветению...

Пирсами. Спасибо. Хорошо сказал. Утешил. А народ повалил смотреть твоего коня?

Художник. Народа не было, Нико. Были одни специалисты. Критики называются.

Пирсами. Почему критики? Кричат, что ли?

Художник. Нет, все больше шепотом. И по углам. (*Подумав*.) А иногда и кричат.

Высвечивается «Грузинка с бубном».

Начинает стучать в бубен.

Появляются мужчины и женщины, раздетые по моде тысяча девятьсот двенадцатого года. Костюмы преувеличенно подчеркивают моду. Люди появляются тихо и чинно,

вытирая ноги. Но каждый их шаг, каждое движение руки, поворот друг к другу ритмично и глухо отщелкивает бубен. Это — вернисаж.

Люди заполнили всю авансцену, всматриваясь в зрительный зал, словно картина находится там.

Вспыхивает и колеблется волна лорнетов, ощупывая картину. Люди произносят громким шепотом, в разных интонациях — восторга и недоумения, осуждения и вопроса, возмущения и понимания — только два пелепых, по звонким словам, в которые можно вложить все:

- Рмпсально!
- Пертикалентно!
- Пертикалентно?
- Рмпсально!..

Пиромани. Что они делают?

Художник. Обсуждают.

Пиромани. А что такое «рмпсально»?

Художник. Не знаю.

Пиромани. А «пертикалентно»?

Художник. Откуда мне знать, дорогой?

Пиромани. Зачем же они так говорят?

Художник. Они — специалисты!

Пиромани. Слушай, они, наверное, благодарят! Ведь если бы нас не было, их бы тоже не было, а? Благодарить должны!..

Шуршит шелками, сверкает лорнетами вернисаж.

Теперь это — скользящий и ощеренный танец под глухие удары бубна.

В нарастающем темпе слышится:

- Пертикалентно!
- Рмпсально!
- Рмпсально?
- Пертикалентно!..

Пиромани. А скажут они что-нибудь понятное?

В центре авансцены определилась группа из четырех человек — трое мужчин в фраках и цилиндрах и до чрезвычайности модно разодетая дама. Несколько движений рук, вскидывающих и опускающих лорнеты, нервно, судорожно, и... Громким шепотом, синхронно, обращаясь друг к другу, понятное:

— Не важно, что «Конь» может обжечь, а важно, что «Конь» может поджечь! «Конь» — красный и берег красный, а это опасно! Опасно!.. «Купалье опасного коня»!.. Откуда он красный? Ведь мальчики едут в ночное и солнце давно уже село!.. Закрыть этот холст надобно серым! Серым!..

Перепад света — и перед нами толпа шикарно разодетых горбунов и уродцев. Тыча в картину цветастыми зонтиками, тростиами и лорнетами, они маршируют под аккомпанемент бубна...

Движутся на зал, скандируя громким шепотом:

- Серым! Серым!
- Серым! Серым!
- Ать-два, серым!
- Серым! Серым!

Темнота. Свет. Толпы как и не бывало.

Погасла «Грузинка с бубном».

Художник. Их красный цвет ужалил, вот они и закричали.

Оба задумались.

Пиромани. Я видел вечернюю пчелу.

Она очень спешила.

Она припадала к цветам, и ее жужжание становилось как жужжение швейной машинки —

высоким и трудным.
Она работала, она опаздывала.
На ее бархатном брюшке
проступил пот.
Ее работе помешал праздный человек,
который нюхал цветы.
Она его ужалила, и человек убил ее.
Убил не от гнева, а от злости.
Убив,
он еще долго втаптывал ее сапогом в землю.
Втаптывал еще живой бархат.
Втаптывал мед.
Втаптывал работу.
Он думал об ее укусе, а не об ее меде.
Разве не так поступают с пами?
А?..
Никто не знает, как творится мед.
Никто не знает,
как творится картина.
А вдруг пчела или художник ужалят?
Лучше убить. На всякий случай.
Чтобы праздному человеку
не стало на мгновение больно...
Художник. Горько сказал, Нико. Хотя и про мед. Тебя убили?

Пиромани (сидит, устало опустив голову). Да. Равнодушными глазами. Били, словно кастетами. Давно, всю жизнь.
И вот... добили, пожалуй.
Художник (встав с табурета, подходит к Нико. Показывает рукой в зал, на картину, в которую только что тыкали зонтиками и тростями). Конь еще не вошел в воду... Понимаешь?
Пиромани (устало, из вежливости, только чтобы ответить и не обидеть гостя). Но ты назвал картину «Купанье красного коня»...
Художник. Но конь еще не вошел в воду. Понимаешь? Фигуры на картине всегда своеобразны. (Смотрит на картину.) Ах, как славно! Конь еще не вошел в воду. Не захотел!

Пиромани. Тогда почему купанье?
Художник. Он сейчас войдет. Видишь?.. (Заставляет Пиромани повернуться и посмотреть.) Он напрягся. Он поднял ногу, как заправский купальщик. Он хочет спачала попробовать, хороша ли вода... Это он сам, сам! Я не писал этого... Я хотел, чтобы он уже был наполовину в воде, как тот, дальний розовый конь, видишь? Но он застращился! А теперь напрягся для прыжка. Видно, пришло время, а?

Пиромани (оживился). Нет, он не войдет. Он боится погаснуть. Это же видно, что он боится погаснуть!

Художник (присаживается на корточки рядом с Нико). Я написал на нем мальчишку. Тот его живо загонит.

Пиромани. Но он погаснет!

Художник. Никогда! Вода закипит, река испарится, а он будет стоять, мой красный конь. Можно закрыть его холстом. Пожалуйста! Но и под холстом закипит вода, когда мой конь войдет в реку... (Рассматривает картину.) И на нем мальчишка. Сопливый!.. А уже о чем-то задумался.

Пиромани. Он знает, что под шим красный конь, но делает вид, что все обыкновенно. Стесняется! (Взволнованно.) Смотри, он вошел... Он вошел в Куру!

Художник. В Куру? Почему в Куру?

Пиромани. Не спорь, пожалуйста, ладно? Он вошел в Куру... Видишь? Мальчишка его загнал в Куру!

Художник. Да, конечно... Мальчишка его загнал в Куру. Я так и думал, что мальчишка его в Куру загонит. Вот молодец!

Пиромани (вскочив). Эй, рыбак!..

Высвечиваются картины «Рыбак», «Дворник» и «Актриса Маргарита».

Красный конь вошел в Куру! И вода стала красной, как от рассвета... Твоя рубаха отразила всю Куру!

Дворник (ворчливо). Зачем купать красных лошадей в Куре? Нищий человек, базарный маляр, а такое себе позволяет!

Рыбак. Вся рыба ушла! Какой улов в красной воде?

Маргарита. Как река может быть красной? Я однажды ехала

на пароходе по Красному морю, и то опо было не красным, а зеленым. Или синим... Не помню...

Пиромани. Эй, вы, шлепки моей кисти! Отойдите от окон, только день загораживаете!

Рыбак. Какой день? Какой день? Ночь на реке! (*Обиженно уходит из картины.*)

Дворник. Палкой надо гнать твоего коня в красную шею! Зачем Куру мутить? И какой день? Вечер! Пойду поднимать бродяг со скамеек. (*Уходит из картины.*)

Маргарита. Утро, Нико, утро! Всего одиннадцать часов, а уже такая жара! Почему ты не нарисовал мне веер в руке вместо этого пучка роз? Теперь придется самой идти искать по лавкам! (*Убегает.*)

Пиромани растерянно смотрит на картины: в одной ночь, в другой вечереет, в третьей утро.

Пиромани. Эй, русский, что сейчас на дворе?

Художник. Осень, Нико. Небо белесое, словно вчерашний дождь сполоснул с него всю синеву. Солнце — как далекое стлюдяное оконце, в котором еще дотемна свечу зажгли. Так, еле светит. А прикоснешься затылком к вороту рубахи — зябко. Осень на дворе, Нико.

Пиромани. Нет, русский! Какая осень? Солнце лежит на крышах. Толсто лежит. Как тяжелый, рыжий, жаркий пласт снега лежит. Если не сбросить его — крышу раздавит. А как сбросишь? Лопата расплывится!

Художник. Осень, Нико, осень. Слышишь? Опять дождь пошел...

Начинает стучать дождь.

Зябко кутаясь в бурку, возвращается в картину рыбак. Становится на место, замирает.

Возвращается дворник. Вместо палки у него в руке огромный черный зонт. Становится в картину, поднимает над головой зонт. Встретив такую преграду, дождь начинает стучать еще громче.

Кутаясь в длинную накидку с капюшоном, возвращается Маргарита. Она переминается с ноги на ногу, принимая в картине прежнюю позу.

Маргарита. Проклятый климат! То жарко, то холодно. Того и гляди, чахотку схватишь. Я не говорю уж об ангине! Пора уезжать, Нико, пора уезжать. Зачем ты меня держишь здесь? (*Замирает.*)

Пиромани (*возмущенно*). Я не писал ни бурку, ни зонтик, ни накидку!

Художник. Я же тебе говорил, Нико! Они своевольничают. Картины всегда своевольничают. Но разве это главное, Нико?

Пиромани. А что главное, русский?

Художник. Осень, Нико. Осень на дворе. А у меня новые сапоги. Как раз к осени. Совсем новые, а уже не жмут. А?.. Это главное, Нико! (*Садится на табуретку, подтягивает голенища сапог.*)

В углу сцены, где сидел русский художник, сгущается темнота. Художник исчезает.

В картинах густо идет дождь. Картины гаснут. Остается чистый, первовный шум дождя.

Пиромани (*удивленно, как от мысли, которая непонятно как и в голову пришла.*) Эй, Нико Пироманашвили! Возвращайся-ка в Мирааини, возьми себя, маленького, за руку и поведи другой дорогой! Зачем ему потом помирать под лестницей, этому маленькому голодранцу Нико Пироманашвили?.. Эй, ты где?.. Опять, сорванец, в чужие мандарины забрался? Опять обсыпался зелеными грушами? Ну-ка, давай руку, живо! (*Берет воображенную руку малыша; прислушивается к дождю.*) Это дождь, дождь, понимаешь? Это осень, Нико. Большая, серые, как бабушка, осень... (*Прислушивается к дождю.*)

Она тебя бранит?..

Конечно!

Осень —
большая бабушка,
бабушка на весь мир!
Она шлепает
маленького Нико:
не шали,
не шали,
не шали,
не воруй мандарины
в чужом саду,
не ешь
зеленые груши...
Вот тебе,
вот тебе,
вот тебе,
на!
Зачем пачкаешься углем?..
Зачем нарисовал на камне,
который вывалился из забора,
молодого кахетинца
с рогом вина в руке?
Зачем на заборе
ласточку нарисовал,
и каменный забор
стал небом?..
Зачем, дорогой?
Что тебе нужно?
Живи, как люди,—
продавай мацони!
Открой духан!
Стань ювелиром!
Вот тебе,
вот тебе,
вот тебе,
на!..
(Прислушивается к дождю.)

Осень!..
Большая бабушка,
бабушка на весь мир!

Высвечивается И я. Она сидит, как и сидела, словно бы и не исчезала.

И я. А зеленых груш осенью не бывает.
Пиромани (не оборачиваясь к ней, прислушивается). Дождь...
Как швейная машинка, да?

И я. Это пчела, как швейная машинка.
Пиромани. Пчела жужжит, как швейная машинка. А дождь —
это швейная машинка задумалась: так ей стучать или этак,
еще не знает. Потому каждый стежок слышно.

И я. И мандарины в Мирзаани не растут.
Пиромани. Опять нашла меня?

И я. Опять.
Пиромани. Где пропадала?

И я. Бегала по духанам, хотела одолжить кувшин вина для тебя
и твоего друга. Нигде не дали.

Пиромани. Зачем побираться ходила? У нас было вино! Ка-
хетинское. Мать прислала бурдюк. И люблю было. И шаш-
лык. Только вот чихиртма не получилась.

И я. Жалко, что не получилась. Обидно.

Пиромани. Конечно, обидно! Хороший человек и любит чи-
хиртму.

И я. Вина не осталось немножко?
Пиромани. Все выпили.
И я. Целый бурдюк?

Пиромани. Почему нет? Когда собираются двое мужчин и есть
о чем поговорить — почему бурдюк вина не выпить?

Пауза. Слышино, как идет дождь.

Где Маргарита накидку достала?
И я. В лавке купила. Еще днем. Я ее встретила. Она вернулась?

Пиромани. Да. Стоит в накидке. Все своевольничают! Я не писал накидку.

Ия. Я бы не своевольничала. Как бы нарисовал, так бы и стояла.

Пиромани. Я хочу тебя нарисовать наконец! Чтоб не пропадала больше. Хватит бегать туда-сюда и прятаться за Маргаритины юбки. (Раскрывает чемоданчик, берет кисть.) Все! Я тебя нарисую.

Ия (грустно покачав головой). Я опоздала немножко.

Пиромани. Хо! Немножко! У меня талант устал ждать, вот как ты долго шла.

Ия. Нельзя говорить «у меня талант». Нескромно. Пускай другие про тебя скажут.

Пиромани. От других дождешься! Я же не говорю про то, чего у меня нет. Я бы хотел сказать: у меня новый пиджак! Вот это было бы нескромно. Хвастался бы! Нет у меня нового пиджака. Зачем я буду говорить про то, что у меня нет? Я же не говорю: у меня новые сапоги. К осени справил. Совсем новые, а уже не жмут... Нету сапог... Русскому художнику подарил. Пускай носит на здоровье. Зачем хвастаться? Я могу говорить только про то, что у меня есть. Почему нескромно?... Сиди тихо, не двигайся. Долго сиди... (Задумался. Кисть выпала из рук.)

Снова начинает стучать дождь.

(Опускается на пол, у ног неподвижно сидящей Ии.)

Дождь!

Знаешь, оказывается,
он прошивает тебя.

И все грустью, грустью.

А грусть —

как суровая нитка:
она прошивает тебя
и не рвется.

И ты уже пришил грустью к земле.

Крепко.

Прочно.

Навсегда...

Какая хорошая швейная машинка
этот осенний дождь!

Я пришит к земле, Ия,
и рад этому.

Пускай грустью, какая разница?
Но я пришит к земле.

Если меня оторвать от нее —
и на ней и на мне
будет рана.

Зачем ракить землю и человека?
Пусть будут вместе.

До конца.

И после.

Хотя после конца быть с землей
легче.

Как до конца к ней придешь?
Все, кому не лень,

хотят заставить тебя повисеть в воздухе.

А после конца
тебя оставляют с землей наедине.

Ты уже никому не нужен,
кроме нее.

И тогда вы становитесь вместе.

И умный не знает,
как сказать:

то ли человек?..

То ли земля?..

Я хочу, Ия, стать и землей
и человеком.

Здесь, под лестницей,
даже ближе к земле.

Лестница ведет вверх!
А зачем мне вверх?

Кто туда отнес истину?
Она же тяжелая,
как большой кусок железа.
Наверное, она внизу,
в земле,
тогда ее со временем
можно еще и откопать.
Но кто станет этим заниматься?
Все хотят
идти по лестнице вверх.
Пусть!
Я не из их числа.
Разве это значит,
что я не человек?
Я хочу вниз —
к земле, к истине.
Я-то, сумасшедший, знаю,
что земля —
это небо!
Она сверкает звездами людей.
Сверкает, Ия!
И от этого в небе светло.
Небо —
оно отражает землю, оно зеркало.
И поэтому,
когда хороший человек умирает,
то с неба скатывается звезда.
Она —
отражение человека...

Ия (кладет руку ему на голову). Ты опять дрожишь, Нико.
Пиромани. Это поезд, Ия, это поезд подходит к конечной
станции.
Ия. Как называется станция, Нико?
Пиромани. Мирзаани.
Ия. Опять будешь шлепать маленького Нико Пироманашвили?
Пиромани. Разве он пойдет другой дорогой? Он ведь про-

бовал продавать мацони. Чем кончилось? Розами для
Маргариты.

Высвечивается «Маргарита».

Маргарита. Прекрасные были розы, Нико. Спасибо!

Картина гаснет.

Ия. В Мирзаани идет дождь... Слышишь?
Пиромани. Какой дождь? В Кахетии сейчас сбор винограда.
Ия. Но в Мирзаани идет дождь... Послушай...

Шумят дождь.

Пиромани. Какой дождь, какой дождь, с ума сошла? Это молодое вино ударило по дну марации... Это льется и звенит Чирнхаули!

И вдруг, как удар света, во всю ширину сцены раскрылась фреска Пиромани «Сбор винограда». Яркое солнце пробивает ярко-зеленую листву. Схваченные кистью в момент веселой и напряженной работы, замерли люди. Кажется, еще одно движение зрительской фантазии — и начатый шаг будет завершен, рука, протянувшаяся к плоду, сорвет его.

Ия. Ты прав, Нико: сбор винограда! Сейчас люди пойдут прощаться со старым вином.

Пиромани. Конечно! Зачем смешивать старое и новое вино?
Уксус получится. Со мной будут прощаться.

Ия. Ты — старое вино?
Пиромани. Пятьдесят шесть стукнуло! И крепкий, как старое вино. (Уверенно.) Со мной будут прощаться.

Ия. Ох, Нико! А ведь ты нахал.
Пиромани. Конечно! Старое вино — очень нахальное вино: нигде не спрашивает разрешения войти, само входит и всех валит с ног. Посмотри, разве я не похож на бурдюк?

И я (улыбнувшись). Тощий бурдюк.

Пирсами. Что поделаешь. Скажу тебе честно, как старое вино: расходуешь себя! И все на людей.

И я. Ох, Нико!..

Пирсами. Да-да, совсем немножко осталось. Только для самых близких!.. (Широким жестом приглашает Ию в картины.)

Они входят.

(Садится под дерево, кричит.) Эй, люди, прощаться пора!

Фреска оживает. Стоящие на лестницах с борщичи яблок спускаются и подходят к Пирсами. Мужчины, несущие виноград к давильному чану, меняют направление и идут к Нико, снимают с плеч и ставят перед ним свои тяжелые корзины.

Вперед выступает один из виноградарей.

Виноградарь. Эй, Нико Пирсамашвили, старое кахетинское вино! Помнишь свою жизнь?

Пирсами. Я — виноград...

Я родился там,
где сошлись пути земли и солнца.

В Кахетии, значит.

И Солнце, отец мой,
как золотой бычок,
кидает мне охапки лучей
из своего стойла.

И Земля, мать моя,
вспаивает меня
самым вкусным своим соком.

Я — виноград...

Так все началось!

Виноградарь. Я — человек.

Я подхожу к тебе и говорю:

Погиби!

Я отрываю тебя от матери-Земли.

Я кидаю тебя в большой чан
и топчу тебя ногами...

Пирсами. И тогда я прерываю тебя!

Я — Чирнахули,
льящийся из чана.

Я — виноград,
познавший то,
как его отрывают от матери-Земли,
познавший то,
как его давят и топчут ногами.

Я — Чирнахули,
я весельчак Чирнахули.

Я — месть человеку:
первый хмель во мне просыпается,
как талант,
и я валю человека с ног!

Виноградарь. Я — человек.

Я запираю тебя в марани —
в большую глиняную темницу.

Я говорю тебе:
спи!..

Пирсами. И тогда я прерываю тебя!

Я сплю.

И мне снится сон.

Сон —
это прекрасный выход из темницы!
Я выхожу и иду по земле.

Нет! Зачем идти?
Меня несут на руках...

Эй, люди,
хотите, я вам скажу
один маленький секрет?

Когда я рисую оленя —
я олень!

Во мне живет олений страх
перед выстрелом.
Во мне живет оленья красота.
Я вижу далекую,
розовую от рассвета скалу,
за которой меня ждет
самая прекрасная в мире оленица!..
Когда я рисую свадебный пир,
я не жених и невеста,
я не гость на пиру,
я — вино!
Если бы вино умело рисовать,
оно нарисовало бы свадебный пир
так,
как его рисую я.
Я тороплюсь.
Я знаю,
что меня сейчас должны отведать,
вкусить
и я растворюсь в крови
вкусившего меня...
Поэтому я тороплюсь.
Я рисую и лицо и фигуру,
но мне важны не они.
Мне важна радость.
Это я, свадебное вино,
преображаю людей!
И пусть эти люди
радуются хоть тысячу лет.
Здравствуйте все!
(Высоко поднимает рог с вином, поданный ему виноградарем.)

Вся фреска снова застывает. Застывает Пирсманн с поднятым рогом, застывает Ия подле него. Они вписались в картину, остались в ней. Рядом с фреской высвечивается «Гру-

зинка с бубном». Но теперь в руках у нее не бубен, а пандури. Она ударяет по струнам, и под нарастающий звон пандури интенсивнее становится цвет фрески:
трава — зеленее,
солнце — ярче,
яблоки — румянее,
виноград — прозрачнее...
Гремит пандури.

Конец

1973 г.